

УДК [82-3+82.09] «1820/1830»

СВЕТСКАЯ ПОВЕСТЬ 1820–1830-Х ГОДОВ. ОСМЫСЛЕНИЕ ЖАНРА В КРИТИКЕ

С. Н. Лузикова, В. В. Грязнова

Тверской государственной технической университет
кафедра русского языка предвузовской подготовки

Историческое значение некоторых литературных процессов не всегда справедливо оценено их современниками. Именно так произошло с пониманием светской повести 1820–1830-х гг. На материале светской повести решались многие литературные проблемы: проблема стиля, языка, предмета художественного изображения, социального статуса писателя и восприятия литературы в разных социальных слоях общества. Однако специфически жанрового значения светской повести не придавалось.

Ключевые слова: *светская повесть, русская критическая мысль, повествовательные жанры, проза, классицизм, романтизм, реализм*

История осмысления жанра светской повести критикой, современной его становлению и развитию, крайне необходима для адекватного понимания явления. Вместе с тем мы должны учитывать, что литературная жизнь в тот или иной исторический период – явление многогранное и весьма сложное для однозначной интерпретации. Любые литературные произведения, даже сами по себе неудачные, представляют большую или меньшую ценность хотя бы потому, что участвуют в формировании литературного процесса в целом. Поэтому любой период литературной жизни имеет своё значение и отличается своим лицом. Однако самооценки литературных периодов, столь важные для историков литературы, показывают подчас обратное: современники обычно не видят тех литературных процессов, которые совершаются исподволь в литературе, и не умеют осознать их историческое значение.

Так, если согласиться с мнениями литературной критики 1820–1830-х гг., то этот период придётся признать периодом затишья в развитии повествовательных жанров. И дело было не в том, что критики не видели достаточного числа писателей-прозаиков; напротив, их не устраивал уровень мастерства слишком многочисленных авторов. В середине 1820-х гг. на страницах «Московского телеграфа» в дискуссиях о прозе регулярно высказывалось мнение о том, что *«мы дети в литературе <...> статьи прозаические в общем объёме не представляют собой ни разнообразия, ни ответственности своему назначению»* [1, с. 331–332], что *«наша проза ещё в колыбели»* [14, с. 112]. В популярных журналах 1820-х гг. печатались многочисленные поэтические произведения русских авторов, а в разделах прозы – в основном переводы с иностранных языков. Спустя десять лет, в середине 1830-х гг., критиков возмущало существовавшее положение дел. *«У нас нет литературы!»* – эмоционально

воскликнул В. Г. Белинский в 1834 г. в «Литературных мечтаниях» [3, с. 22]. «Литература сделалась похожа на общество, куда сошлись от нечего делать рассказчики анекдотов», – писал в 1835 г. С. П. Шевырёв [20, с. 121–122], критик совершенно иной эстетической и социальной ориентации.

Вместе с тем русские критики отмечали, что разные стихии литературной жизни развиваются неравномерно: какие-то жанры и приёмы «забегают» вперёд, другие «отстают» от этих «передовиков». Например, признавая слабость развития прозы в целом, К. А. Полевой на страницах «Московского телеграфа» писал в 1833 г.: «Романа ещё нет и до сих пор. Но повесть уже есть» [12, с. 329]. А С. П. Шевырёв, говоря о низком уровне литературы, одновременно указывал на особую актуальность жанра повести: «Повесть есть вывеска современной литературы» [20, с. 121]. Дальнейшее литературное развитие и его осмысление подтвердило тот факт, что именно 1830-е гг. были ознаменованы бурным развитием повести как жанра.

Историки литературы XX в. оценивали все исторические процессы в категориях методов и направлений. В рамках этих категорий воспринималась и история светской повести:

«Романтизм или реализм? Марлинский или Гоголь – вот как стоял тогда вопрос. Нужно было познать и осмыслить окружающую действительность. Но романтизм сознательно отворачивался от “прозы жизни”, закрывал её риторикой и напыщенностью. Поэтому 30-е годы знаменуются не только своего рода антагонизмом между прозой и стихом, но ещё более острой борьбой между романтическим и реалистическим направлениями в русской литературе, и борьба этих двух направлений становится тем фокусом, в котором скрещиваются основные вопросы развития русской литературы 30-х годов» – так описывает этот период исследовательница светской повести М. А. Белкина [4, с. 522].

По-своему такой подход справедлив, поскольку и для самих современников этот период характеризовался борьбой литературных направлений. Однако направления, о которых она пишет, следует определить по-другому – как романтизм и классицизм. Эту борьбу романтизма как свободного проявления литературного творчества, не ограниченного условными и заранее данными литературными рамками, с нормативной поэтикой классицизма почувствовали и отразили в своих работах и литературоведы XX в. Так, например, исследователи критической деятельности Н. А. и К. А. Полевых отмечают: «Опорной в размышлениях о современном искусстве для Полевых, как и для большинства их современников, оказывается антитеза “классицизм – романтизм”» [19, с. 7]. Действительно, первая треть XIX в. воспринималась современниками как борьба романтизма с классицизмом. Об этом повсеместно говорится в литературно-критических статьях 1820–1830-х гг., в частности в работах писателей-декабристов. Так, например, А. А. Бестужев в статье «О романе Н. Полевого “Клятва при гробе господнем”» (1833) представляет положение дел следующим образом: «...гяуризм и донжуанизм, выкраденный из карманов Пушкина, разменянный на полушки, разбитый в дробь, полетел изо всех рук. Житья не стало от толстощёкой безнадежности, от самоубийств шампанскими пробками, от злодеев с биноклями, в перчатках glasses; не стало житья от по-

хмельных студентов, воспевающих сальных гетер Фонарного переулка. Но как бы то ни было, мы перестали играть в жмурки с мраморными статуями, и роковое слово – романтизм! – было произнесено. Оно раздалось выстрелом. Надо было видеть, как встрепенулся тогда старикашка-классицизм от дрёмы на своей кафедре, источенной червями. “К перу! к перу!” – возопил он гласом великим и, наточив указку, потащился в бой с романтиками» [5, с. 118]. На фоне этих событий возникает и развивается такая внутрижанровая разновидность повести, как светская повесть. Именно в ней происходит попытка тотальной мотивировки каждого поступка героя и каждого события в его жизни, – то, что последующей русской прозой будет принято за аксиому и широко распространится во всех жанрах литературы.

В 1820-х гг. в произведениях повествовательного жанра определённое место начинает занимать тема светской жизни. С развитием журналистики в популярных периодических изданиях появляются статьи, в которых обсуждались нравы светской среды. В основном это были переводы английских и французских статей. Так, например, в «Московском телеграфе» в 1825 г. была опубликована статья «О светских обществах и хорошем тоне». Эта статья посвящена личности Ж.-Ж. Руссо и отражает тот взгляд на высшее общество, который ляжет в основу практически всех светских повестей:

«Не предаваться ничему и никому и показывать, что вы всё для всего – вот светский человек! Слепо предаваться, живо следовать за своими впечатлениями – вот человек не светский! Кто всегда сам с собою и всегда готов к сильному чувству, тот смело может полагать, что он не понравится в свете и немым безмолвием и сильным выражением страстей своих... <...> Вся жизнь светских людей есть изучение хорошего тона; всю жизнь учатся они казаться тем, чем просто человеку, должно быть в самом деле» (здесь и далее выделено нами. – С. Л., В. Г.) [7, с. 109, 112].

Критики 1820-х гг. полагали, что в описании светской жизни особенно преуспели французы. О. М. Сомов, например, уже в 1820-е гг. отмечал умение французских писателей изображать свет: «...немногие из писателей французских умели хорошо изображать природу и по большей части говорили о ней так равнодушно, как мы обыкновенно говорим о хорошей и дурной погоде. Но взамен того французы мастерски описывают общество, или, как они называют, свет (*le monde*), ибо рассматривали его со всех сторон, а лица – только с теми хорошими или дурными свойствами, приличиями или странностями, которые он им даёт» [18, с. 265]. Учитывая, что для русской литературы было естественным перенимать западные традиции, можно сказать, что русская светская повесть «пришла» из Франции.

Русская светская повесть в 1820-е гг. ещё только начинала своё развитие. Современные исследователи отмечают, что «первоначально светская жизнь входит в литературу как материал для сатирико-бытовых зарисовок, философско-психологических размышлений» [10, с. 5]. Более того, у светской повести был и литературный предшественник в изображении светского быта – светская комедия 1810-х гг. Вообще «быт и бытовое поведение человека стояли в центре внимания русских комедиографов. Комедия создала свой “кодекс” поведения светского человека – в комедийных схемах были как бы “расписаны”

типы поведения, даны “характеры” и “обстоятельства”» [15, с. 61].

Поэтому не случайно светская повесть, особенно в начале своего развития, во многом связана с комедийным жанром. Так, например, некоторые ранние сочинения В. Ф. Одоевского относятся к произведениям, которые освещают жизнь светского общества, но ещё *«не принадлежат к жанру художественной повести»* [9, с. 170]. Точно так же ранние произведения А. А. Бестужева-Марлинского, прозаические опыты К. Ф. Рыльева и О. М. Сомова свидетельствуют лишь о зарождении новой жанровой формы. Следует учитывать, что в раннем творчестве этих авторов ещё слишком отчётливо *«проступает их зависимость от традиций просветительской литературы. Ею определяется и известный рационализм в подходе писателей к проблемам современной жизни, и стремление прямо воздействовать на общественные нравы. Ранние опыты такого рода не дают оснований говорить о появлении новой жанровой формы, однако наглядно характеризуют направление идейно-художественных исканий ряда прозаиков»* [9, с. 170–171]. Но главное сходство со светской комедией ранних сочинений Бестужева-Марлинского, Рыльева, Сомова состоит в том, что все они имеют ещё собственно комедийный характер, в то время как настоящий пафос светской повести трагический: светская повесть всегда изображает пагубное влияние света, общества на жизнь отдельного человека.

Но уже в 1830-е гг. светская повесть приобретает вполне законченные и определённые черты. Вообще тема света решается в это время и в иных жанрах. Наиболее близки к светской повести были социально-философские поэмы Е. А. Боратынского «Бал» и «Цыганка» [6, с. 25–38, 47–76], которым свойственны разработка сложных женских характеров и психологизм в решении социальных вопросов – те самые черты, которые отличают и светскую повесть в целом.

Светская повесть 1830-х гг. представляет собой уже не просто любовную историю, разыгрывающуюся в высших социальных кругах и написанную в повествовательном жанре. Во-первых, сама повесть как прозаический жанр получает своё полноценное развитие, во-вторых, светская тема становится если не центральной, то одной из самых значимых и широко распространённых тем русской художественной литературы. Практически ни один автор не обошёл своим вниманием жанр светской повести. Однако отношения литераторов и того социального класса, который принято называть светским обществом и изображение которого предполагалось в светской повести, были достаточно сложными. Эта сложность (подчас даже конфликтность) нашла отражение и в литературной критике. Конечной целью споров был поиск ответа на вопрос, какой должна быть литература, а поводом служило различное отношение к светскому обществу.

К. А. Полевой в статье, написанной в ответ на статьи О. М. Сомова и И. В. Киреевского, в журнале «Московский телеграф» утверждает: *«Г. Сомов несколько раз в **Обзрении** своём напоминает о большом свете. Справедлив ли упрёк, что литераторы наши чуждаются большого света? Не знаем, но искренне желали бы подтвердить сие. Большой свет никогда не был рассадником дарований, и, напротив, много раз убивал самые счастливые надежды»*

[11, с. 226]. По мнению критика, вкус нужно искать не в свете, а в самом себе и в изучении творчества: *«В леса, в мирные хижины, на берега светлых вод, в роицы, оглашаемые пением соловья, туда стремится душа поэта. Трудолюбивые, смиренные прозаики, желающие добра и счастья своим соотечественникам, оживляемые надеждою действовать на общество своим бескорыстным стремлением к истине, не последуют за детьми Аполлона; они останутся в городах, в кругу своего избранного общества и будут заглядывать в светский круг так же, как в книги: он будет для них предметом изучения, но не сферою их, не последнею целью»* [11, с. 228–229]. Критик убедительно доказывает, что литераторы и светское общество чужды друг другу, что для знатных людей литература – дело постороннее.

Все эти суждения восходят к давней полемике. В 1808 г. была опубликована статья Д. П. Северина о положении писателя в обществе:

«Положение писателя в обществе чрезвычайно затруднительно: он должен забыть на время своё авторство и быть просто человеком светским. Несмотря на то, желают, чтобы он оправдывал авторскую славу свою; в противном случае скромность его представлена будет с худой стороны завистию». По Северину, «писатель презирает успехи в обществе и не берёт на себя труда блистать перед теми людьми, которых не признаёт своими судьями». Отсюда следует вывод, что «видеть свет прилично только такому автору, который желает его описывать» [17, с. 112, 117].

На это В. А. Жуковский отвечал, что *«и писатель, наравне со всеми, может с успехом играть свою роль на сцене большого света. <...> Писатель светский человек, будучи всегда в свете, не может возбуждать особенного внимания, именно потому что лицо его уже знакомо и что он играет одинокую роль со всеми: роль собеседника, применяющего к другим своим обхождением, своею наружностью, своим тоном». Более того, «писатель имеет в обществе существенное преимущество перед людьми, более светскими – он может порядочнее и лучше мыслить»* [8, с. 393, 396].

В 1810 г. К. Н. Батюшков вернулся к этой полемике: *«совершенное, глубокое, тонкое познание света вредно для стихотворца»,* ибо *«вся эта светская наука сушит сердце и душу; а они суть истинные, неистожимые ключи поэзии».* Впрочем, *«писателю должно быть иногда в большом свете, который есть единственная школа учтивости и так называемого хорошего тона»* [2, с. 266, 269]. А. С. Пушкин учёл эту полемику в повести «Египетские ночи», которая начинается размышлениями о месте писателя в обществе. *«Несмотря на великие преимущества, коими пользуются стихотворцы... <...> эти люди подвержены большим невыгодам и неприятностям. <...> Публика смотрит на него как на свою собственность; по её мнению, он рождён для её пользы и удовольствия»,* – полемизирует А. С. Пушкин с В. А. Жуковским [16, с. 263], ибо не видит никаких преимуществ положения писателя в обществе и потому соглашается с Д. П. Севериным. Но если Северин полагал, что писателю трудно забыть своё авторство, то Пушкин считает, что автору трудно заставить людей увидеть в себе обычного человека, не поэта.

Позднее, как бы в противовес этим размышлениям, в «Московском телеграфе» печатается статья Н. А. Полевого, который утверждал:

*«Надобно сперва выучиться говорить, а потом думать: вот правило несомнительно верное! Наши литераторы его не знают и идут наоборот: сперва думают, а потом говорят. Где же надобно учиться говорить? Разумеется, не в пыльном кабинете, не из книг, но в свете, и – прибавим, **большом свете**, куда наши литераторы не заглядывают. Как же хотеть, чтобы русские книги читал кто-нибудь, кроме мужиков и гостинодворских сидельцев? Только тогда, как писатели светские, люди высшего тона станут писать, заставят читать дам и светских людей; когда в промежутках мазурок и котильонов литература будет составлять предмет разговора; когда русская книга будет лежать и в диванной красавицы и на туалете щёголя, не пугая их ни скифскою наружностью, ни грубым не светским языком – тогда только можно обещать успех литературе» [13, с. 74–75].*

Приведённые разноречивые мнения убедительно свидетельствуют о том, что в 1820–1830-х гг. на материале светской повести решались многие литературные проблемы: проблема стиля, языка, предмета художественного изображения, проблема социального статуса писателя и восприятия литературы в разных социальных слоях общества. Но, вместе с тем, интерес писателей к светской теме можно объяснить той огромной ролью, которую играло русское образованное дворянство в русской культуре в целом в первой трети XIX в., в ту эпоху, которую принято называть декабристской.

Однако русские критики, современники необычайной популярности и высокого взлёта светской повести, можно сказать, не заметили этого явления. Если они и писали о произведениях, которые впоследствии стали относить к жанру светской повести, то писали о них как о повестях вообще и видели в них только повесть на определённую (светскую) тему, не придавая ей жанрового или хотя бы специфически сюжетного значения.

Список литературы

1. А–й. Современная русская литература [Текст] // Московский телеграф. – 1825. – № 4. – С. 329–338.
2. Батюшков, К. Н. Опыты в прозе [Текст] / К. Н. Батюшков // Сочинения : в 2 т. – М. : Художественная литература, 1989. – Т. 1. – С. 266–271.
3. Белинский, В. Г. Литературные мечтания [Текст] / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) [и др.]. – М. : Издательство АН СССР, 1953–1959. – Т. 1 : Статьи и рецензии. Художественные произведения. 1829–1935. – 1953. – С. 20–105.
4. Белкина, М. А. «Светская повесть» 30-х годов и «Княгиня Лиговская» Лермонтова [Текст] / М. А. Белкина // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова : сборник первый. – М. : ОГИЗ, 1941. – С. 516–551.
5. Бестужев, А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» [Текст] / А. А. Бестужев // Литературно-критические работы декабристов. – М. : Художественная литература, 1978. – С. 84–137.

6. Боратынский, Е. А. Полное собрание сочинений : в 3 т. / Е. А. Боратынский. – М.-Augsburg : Im Werden Verlag, 2000. – Т. 2 : Поэмы. – 76 с.
7. [Б. п.] О светских обществах и хорошем тоне [Текст] // Московский телеграф. – 1825. – № 2. – С. 108–112.
8. Жуковский, В. А. Писатель в обществе [Текст] / В. А. Жуковский // Собрание сочинений : в 4 т. / В. А. Жуковский. – М. ; Л. : ГИХЛ, 1959–1960. – Т. 4 : Одиссея, художественная проза, критические статьи, письма. – 1960. – С. 393–401.
9. Иезуитова, Р. В. Светская повесть [Текст] / Р. В. Иезуитова // Русская повесть XIX века: История и проблематика жанра ; под ред. Б. С. Мейлаха. – Л. : Наука, 1973. – С. 169–199.
10. Коровин, В. И. «Среди беспощадного света» [Текст] / В. И. Коровин // Русская светская повесть первой половины XIX века. – М. : Советская Россия, 1990. – С. 5–14.
11. Полевой, К. А. Взгляд на два Обозрения русской словесности 1829 г., помещённые в Деннице и Северных цветах / Кс. П. [Текст] / К. А. Полевой // Московский телеграф. – 1830. – № 2. – С. 203–232.
12. [Полевой К. А.] Новые книги [Рецензия] [Текст] // Московский телеграф. – 1833. – № 2. – С. 328–336.
13. Полевой, Н. А. Книги 1830 года (Н. П.) [Текст] / Н. А. Полевой // Московский телеграф. – 1830. – № 13. – С. 72–76.
14. Полторацкий, С. Д. Литературные надежды / С. П. [Текст] / С. Д. Полторацкий // Московский телеграф. – 1826. – Ч. VII. – № 2. – С. 111–116.
15. Проскурина, В. Ю. Повесть А. А. Бестужева-Марлинского «Испытание» и русская светская комедия [Текст] / В. Ю. Проскурина // Литературные произведения XVIII–XX веков в историческом и литературном контексте. – М. : Издательство МГУ, 1985. – С. 60–67.
16. Пушкин, А. С. Египетские ночи [Текст] / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений : в 16 т. / А. С. Пушкин ; ред. комитет: М. Горький [и др.]. – М. ; Л. : Издательство АН СССР, 1937–1959. – Т. 8. – Кн. 1 : Романы и повести. Путешествия. – 1948. – С. 261–276.
17. Северин, Д. П. Писатель в обществе [Текст] / Д. П. Северин // Вестник Европы. – 1808. – Ч. XII. – № 22. – Ноябрь. – С. 112–118.
18. Сомов, О. М. О романтической поэзии // Литературно-критические работы декабристов. – М. : Художественная литература, 1978. – С. 234–272.
19. Сухих, И. Последний романтик [Текст] / И. Сухих // Полевой Н. А., Полевой К. А. Литературная критика. – Л. : Художественная литература, 1990. – С. 4–16.
20. Шевырёв, С. П. Три повести Павлова [Текст] / С. П. Шевырёв // Московский наблюдатель. – 1835. – № 1. – С. 120–130.

**SECULAR NOVEL IN 1820–1830'S.
UNDERSTANDING THE GENRE IN CRITICISM**

S. N. Luzikova, V. V. Gryaznova

Tver State Technical University
Russian Pre-university Preparation Department

The historical significance of some of the literary process is not always fair valued by their contemporaries. That's what happened with an understanding of the secular novel of 1820–1830's. On a material society tale solved many of the literary problems: the problem of style, language, the subject of artistic representation, the social status of the writer and literature in the perception of different social strata of society. However, the secular novel was not studied as a specific genre of literature.

Keywords: *secular novel, the Russian critical thought, narrative genres, prose, classicism, romanticism, realism*

Об авторах:

ЛУЗИКОВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки Тверского государственного технического университета, e-mail: svetluzikova3@gmail.com, 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.

ГРЯЗНОВА Валерия Владимировна – преподаватель кафедры русского языка предвузовской подготовки Тверского государственного технического университета e-mail: artemoval@mail.ru, 170026, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22.